

ОТЗЫВ

официального оппонента к. и. н., доцента кафедры востоковедения
Уральского гуманитарного института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина» (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина») Возчикова Дмитрия Викторовича
на диссертацию Евстюнина Владислава Анатольевича «Флорентийские
купцы в портовых городах Средиземноморья во второй половине XIV
века (по материалам архива Датини)», представленную на соискание
ученой степени кандидата исторических наук по специальности

5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование Евстюнина Владислава Анатольевича, представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвящено актуальной и на текущий момент слабо разработанной в отечественной историографии теме деятельности в портовых городах Средиземноморья и особенностей социальной психологии флорентийских купцов второй половины XIV в. В мировой же медиевистике, несмотря на давний и неослабевающий интерес к колоссальному архиву Франческо Датини, рассматриваемый блок вопросов деловой практики, этики и купеческого социального самосознания, касающийся именно флорентийской торговли в портовых городах в годы, когда Флоренция еще не имела выхода к морю, находится до сих пор в тени проблематики мировоззрения вовлеченных в заморские дела флорентийцев эпохи Кватроченто, начавшейся для Флоренции с поглощения Пизы (см., в частности: *Tripodi C. Viaggi di ambasciatori tra Firenze e Il Cairo nel XV secolo // Mélanges de l'École française de Rome – Moyen Âge*. 2010. Т. 122. № 2. Р. 411–440).

Актуальность предлагаемого труда не подлежит сомнению в наши дни. Тщательное исследование глубоких мировоззренческих перемен в среде купцов итальянских городских республик Треченто позволяет проследить, не уходя в презентизм, по крайней мере, некоторые из дальних истоков нововременной деловой культуры и даже психологических аспектов функционирования транснациональных корпораций, определяющих во многом судьбы современного глобализированного мира. Мрачным спутником и средневековой «протоглобальности» (с. 44), и современной глобализации оказывались пандемии. Судьба главного героя диссертации, флорентийского купца Франческо ди Марко Датини (1335–1410), потерявшего в отрочестве родителей на пике Второй пандемии чумы (Первая – Юстинианова чума VI в.), оказалась на перекрестке множества социально-экономических, политических и культурных тенденций позднесредневековой ойкумены, по отношению к ним Датини и его корреспонденты во множестве писем выступали в роли очевидцев, участников, носителей и в известном роде творцов. Тем большую значимость обретает труд, подошедший к этой исторической проблематике с

новаторским и аккуратно проработанным методологическим инструментарием. Диссертация В.А. Евстюнина несет значительную научную новизну, определяющуюся привлечением солидного количества источников, качественными переводами текстов, ранее не переводившихся на русский язык, а также тщательно выверенной методологической оптикой, работа отличается большой эвристической ценностью.

Диссертация отличается логичной и удобной для чтения структурой. Введение к диссертации включает все необходимые компоненты, цель и задачи сформулированы четко и новаторски, с учетом продуманной теоретико-методологической основы исследования, последовательно реализуются в исследовании. Впечатляет обширный раздел, посвященный степени изученности темы (с. 7–25), в котором выделены пять блоков (итальянская историография, европейская историография, американская историография, советская историография, постсоветская российская историография). Автор продемонстрировал высокий уровень историографического анализа, показал весьма нелинейную историю восприятия задействованных им сюжетов исследователями разных стран, начиная со второй половины XIX в., данный раздел вполне может быть опубликован в качестве самостоятельного историографического исследования. Основу источниковой базы диссертации (с. 25–31) составляет огромное наследие Франческо Датини и его круга (эпистолярные памятники, включая письма купца к жене Маргарите и сугубо деловую переписку, частноправовые акты, торгово-финансовые книги), данные которого дополняются и верифицируются сведениями ряда синхронных источников различных жанров – от «торговых практик» (в частности, привлечена «Практика торговли» Франческо Бальдуччи Пеголотти) до историописательских трудов. Автор представил наглядную классификацию привлеченных им памятников. Большой ценностью также обладает методологический раздел введения (с. 32–34), в котором обосновывается использование достижений разных теоретико-методологических традиций современного гуманитарного знания, включая теории этоса (М. Оссовская, Е. Анчел, Э. Левинас) и габитуса (П. Бурдьё), для раскрытия картины мира и ценностных ориентиров флорентийского купечества позднего Средневековья, исследование базируется на грамотном понятийном аппарате. Новизна исследования и его теоретическая значимость полностью аргументированы, положения, выносимые на защиту, логично сформулированы и убедительны, целиком вытекают из проведенного в диссертации анализа.

В центре внимания первой главы диссертации – компания Франческо Датини как репрезентативный пример делового мира Флоренции, рассматривается структура, принципы организации и функционирования компании, масштабы ее связей на Западе и за его пределами. Первый ее параграф (с. 44–56) помещает итальянскую «торговую революцию» в широкий контекст бурной социально-политической истории, судьбы малой родины Франческо Датини – города Прато – и Флоренции синхронизируются.

Автор наглядно показал, что нетипичное решение Датини воздержаться, в отличие от очень многих флорентийских купцов и банкиров, включая дом Барди, от вовлечения в политическую борьбу и займов аристократам в итоге оказалось наиболее рациональным (с. 48, 56). Второй параграф демонстрирует вызревание новых тенденций ведения дел флорентийскими купцами во второй половине XIV в. на почве доведенной до предельного развития средневековой цеховой системы без прямого разрыва с нею, автор раскрывает семейную организацию как главную основу торговых компаний того времени (с. 56–63). В третьем параграфе рассмотрена сложная структура и сознательно диверсифицированная модель деятельности Датини, самой доходной частью которой были финансовые операции, включавшие ростовщичество, обозначена география предприятий Датини: папский Авиньон (в числе прочего, Датини участвовал в поставках папскому двору оружия из Италии), Барселона, Валенсия, Генуя, Майорка, Пиза, Прато, Флоренция (с. 63–75). Компания Датини, как можно судить по проведенному в главе анализу, сочетала в своих управленческих принципах иерархическую и сетевую модели, демонстрировала значительную устойчивость.

Глава вторая (с. 76–123) переходит от внешних условий деятельности Датини и его партнеров к их внутреннему миру и глубинной мотивации. В первом ее параграфе (с. 76–90) мировоззренческие особенности купцов последовательно раскрываются через понятие габитуса, включающее множество составляющих от манеры речи до оценки внешнего облика. Круг Датини особенно репрезентативен, поскольку среди его корреспондентов не выявлено представителей аристократии. В параграфе привлекается солидный визуальный материал, дается обоснование предпочтению красного цвета в одежде. Показан широкий круг чтения Датини, который не раз цитировал Данте. Раскрывается двойственная – и осознававшаяся им в этой двойственности! – мотивация купца, его искреннее стремление сочетать личное благочестие с кропотливым мирским трудом, его тяга к рациональному осмыслению мира и тяжелые предчувствия. Уже пожилой купец писал жене Маргарите о терзающей его меланхолии и о том, что утешение в ней дает лишь исполнение долга и упование на Бога: «...Мне кажется, что мир во всем направлен так, что без большой меланхолии и печали жить невозможно. Мы будем исполнять свой долг в своей части, а Бог сделает все остальное: другого лекарства не наблюдается» (с. 83–84). Большой находкой автора также является перевод фрагмента письма Датини, в котором купец излагает супруге собственный сон о разрушенном доме (с. 84). Очень ценным в данном параграфе представляется анализ личных знаков купцов, непременной составляющей которых был крест, как средств их самопрезентации. Во втором параграфе (с. 90–98) главы В.А. Евстюнин раскрывает влияние достижений средневековой математики на торгово-финансовое дело на примере системы бухгалтерского учета, приводит классификацию его форм. Кажущаяся парадоксальность возвания сотрудников компаний Датини «Во имя Бога и прибыли!» (с. 95) оборачивается одним из наиболее ярких свидетельств нового

понимания личного благочестия в переломный для судеб Италии и Европы период. Третий параграф второй главы (с. 99–106) анализирует особенности купеческого этоса, акцентируя внимание на дидактических сочинениях «купцов-писателей» (в частности, Франческо Бальдуччи Пеголотти, Бенедетто Котрульи). В труде последнего в числе добродетелей купца присутствует хитрость. Фактически, как свидетельствует материал главы, новый купеческий этос позднесредневековой Италии стремился к снятию противоречий между обязанностями доброго христианина и «идеального купца». Мирские дела купца должны быть подчинены высшим ценностям. Преуспевающий купец, с этой точки зрения, мог и должен был быть одновременно честным, умеренным и милосердным.

Заключительный, четвертый параграф второй главы (с. 106–123) посвящен, пожалуй, наиболее драматическому аспекту изучаемой темы – влиянию чумы на мировоззрение и самосознание купеческих семейств. Сполохи великой пандемии чумы, казалось бы, преследовали Франческо Датини до последних лет жизни. Ближайший друг Датини Лапо ди Маццеи настойчиво говорил о необходимости человека заботиться самому о личном религиозном спасении и о «честных делах, свойственных купцам» (с. 117). Сам Датини, очевидно, видел в стремлении помочь попавшим в беду согражданам и христианское служение, и проявление патриотизма к городу. В.А. Евстюнин чрезвычайно ярко показал эсхатологические ожидания эпохи, практики покаяния и благотворительности, раскрыл роль завещания как средства саморефлексии и подведения итогов жизни Марко Датини и его сына Франческо, не имевшего законных детей и в итоге оставившего средства церкви и благотворительным фондам, включая основанное им же «Новое корневище», а также на постройку нового сиротовоспитательного дома.

Третья глава исследования подробно описывает систему торговых связей Датини в Средиземноморье. Подчеркивается его особенный торговый и культурный статус, несмотря на огромную роль связей с Северной Европой для флорентийских купцов. В первом параграфе (с. 124–143) автор выявляет место флорентийской торговли в средиземноморской ойкумене XIV в., показывает значение отдельных отраслей этой торговли, включая работорговлю. Средиземное море воспринималось флорентийцами как море по преимуществу, часто обозначалось в источниках просто как *mare* (с. 130). Подчеркивается достаточно сухой, деловой характер описания портовых городов в архиве Датини. Во втором параграфе раскрыта роль Пизы как посредника между Флоренцией и морем как до, так и после ее захвата флорентийцами (с. 134–143). Особенный интерес в этом параграфе представляет «пиратский» сюжет из переписки, касающийся знаменитого каталонского корсара Альваро Бизерона, в котором страх перед его вылазками сменился откровенным облегчением по поводу его бесславной гибели в море в 1395 г. Пиратство воспринималось как одна из неотступных угроз, преследующих купцов. Второй параграф третьей главы посвящен Генуе и ее колониям в торговой системе Датини (с. 143–157). Здесь автор делает особый

акцент на торговле Кафы, в поле его зрения попадает также особенности написания названия города (с двумя или одной f) в источниках. Подчеркивается сочетание торговой и религиозной мотивации (следование пути св. Андрея) деловых людей в отправке к этим воротам на Восток. В четвертом параграфе третьей главы (с. 157–166) В.А. Евстюнин увлекательно и подробно рассказывает о положении дел флорентийцев на перекрестке цивилизаций в Барселоне, Валенсии и Пальме-де-Майорке. Показана роль партнера Датини Луки дель Сера и фактора компании Датини Амброджо ди Рокки в качестве связующих звеньев между компанией и центрами торговли в многообещающем, но политически нестабильном Западном Средиземноморье от Арагона до государства Маринидов в Марокко. Автор наглядно демонстрирует особенности восприятия Иберийского региона как края ойкумены, за которым может начинаться нечто неведомое и который может сулить неожиданную удачу. В главе пересказывается тосканская новелла или сказка, полный литературный перевод которой помещен в Приложение 7 (с. 228–232) о двух купцах, посетивших богатый остров, страдающий от мышей, под которым могла подразумеваться Мадейра, при этом прототипом удачливого купца мог быть сам Франческо Датини. Этот перевод – несомненный успех автора. Следует отметить, что сказка про кошку и kota относится к бродячим сюжетам, мотив спасения дальней страны от полчищ грызунов с помощью кошки встречался в средневековых персидских и итальянских источниках, а также лежит в основе гораздо более поздней английской сказки «Дик Уиттингтон и его кошка». Реальный Ричард Уиттингтон, преуспевающий купец, ставший лордом-мэром Лондона, заметим, был современником Франческо Датини.

В заключении (с. 166–174) В.А. Евстюнин подводит итог исследованию. В исследовании убедительно показано, что при всех противоречиях самооценки деловых людей Флоренции второй половины XIV в. доминирующим началом в их мировоззрении все равно оставалась христианская вера, а мотивы мирского преуспевания подчинялись сотериологической мотивации. Основа купеческого этоса была христианской. Этому не противоречил городской идеал гражданственности, включавший стремление помогать соотечественникам. Показателен отказ Датини в конце жизни от порицаемого церковью ростовщичества. Купеческая рациональность не вытесняла религиозное благочестие, а скорее дополняла его.

Сопровождающие работу приложения снабжены богатым справочным и иллюстративным материалом. Помимо прочих достоинств труда В.А. Евстюнина, следует отметить его грамотный литературный язык, исследование читается легко и с удовольствием.

Ключевые положения диссертации были представлены В.А. Евстюниным в 12 научных публикациях, из них 3 – в изданиях, включенных в перечень ВАК. Результаты исследования прошли успешную апробацию на 8 научных конференциях.

Диссертация В.А. Евстюнина, выполненная на достойном научном уровне, оказалась все же не лишена ряда спорных моментов и упущений.

1) Во введении автор показал солидную историографическую компетентность. Однако некоторые отечественные исследования, очень близкие к ряду рассмотренных им сюжетов, он все же не включил в библиографию. Оппонент рекомендует автору дальнейшее знакомство с трудами М.Л. Абрамсон по повседневной жизни и интеллектуальной истории Флоренции, включая исследования писем Алессандры Строцци (см.: *Абрамсон М.Л.* Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М., 2005), и С.В. Близнюк, уделяющей пристальное внимание связям между Кипрским королевством и итальянскими государствами (*Близнюк С.В.* Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М., 2016).

2) Сравнительно узкие хронологические рамки диссертационного исследования (вторая половина XIV в., с. 6) требуют более детального обзора быстро менявшейся политической и демографической карты огромного региона. «Территории Ближнего Востока, Северной Африки (Магриба) и часть Иберийского полуострова занимали Египет и иные исламские государства, наследовавшие первым арабским халифатам» (с. 125). Применительно к эпохе Франческо Датини следует говорить не о египетском государстве, а о Мамлюкском султанате (1250–1517) со столицей в Каире, державе, претендовавшей на лидерство в суннитском мире, чьи владения включали, помимо Египта, Сирию, Палестину, а с 1375 г. – и Киликию в Малой Азии, также мамлюкские султаны стремились контролировать Ливию и Хиджаз. Помимо Османского государства (с. 125), в Малой Азии в процессе распада Румского султаната образовалось несколько турецких эмиратов – Караман, Айдын, Сарухан, Ментеше, Кареси, Гермиян и ряд других. Эгейские бейлики, особенно – Ментеше и Айдын, имели внушительный флот, отличались активностью в морской торговле и пиратстве. В документах Венеции и венецианского Крита в XIV в. термин *Turchia* сузился до обозначения богатого эмирата Ментеше (*Zachariadou E.* Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshé and Aydin (1300-1415). Venice, 1983. P. 119–120). Упомянуты ли в архиве Датини эти малоазиатские бейлики и их подчинение Османским государством?

«Население крупнейших городов региона, Константинополя и Александрии, составляло несколько сотен тысяч человек...» (с. 126). Если в начале эпохи Палеологов население Константинополя еще могло превышать сто тысяч человек, то незадолго до падения Византии оно едва ли достигало пятидесяти тысяч (*Matschke K.-P.* The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth–Fifteenth Centuries // *The economic history of Byzantium: from the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. by A. Laiou. Washington, 2002. Vol. 2. P. 465).

3) Автор, по мнению оппонента, чересчур активно использует модернизирующую, по его признанию (с. 59), терминологию («холдинг», «холдинговая компания», «бизнес-империя» и др.), не всегда сопровождая эти

метафоры должным для ориентировки читателя разъяснением, обоснованием их применимости к финансовым и торгово-ремесленным реалиям Треченто – начала Кватроченто. В диссертации прослеживается в известном роде телеологическое стремление четко противопоставить «опередившие свое время» установки и мотивации Франческо Датини «как будто устаревшим». Набор последних не выглядит в полной мере убедительным. «Он был движим как будто устаревшими устремлениями – любовью к родному городу Прато, привязанностью к семье, к региональной флорентийской консолидации, предвосхитившей ранние формы итальянского национализма» (с. 38). Почему, на взгляд автора, и с каких позиций та же привязанность к семье может рассматриваться как устаревшая или кажущаяся таковой характеристика? В следующем столетии Леон Баттиста Альберти (1404–1472), автор целого ряда программных текстов итальянского гуманизма, в трактате «О семье» вкладывал в уста своего отца Лоренцо следующие наставления: «Самая прочная и долговечная слава выпадает на долю того, кто посвятил себя приумножению известности и репутации своего отечества, семьи и сограждан. <...> Я знаю, что все члены нашего дома Альберти по природе очень добры, и никто из них не пожелает прослыть жестоким и бессердечным, не оказав помощи своим, тем более если вы станете практиковать добродетель» (Альберти Леон Баттиста. Книжки о семье / Пер. М. А. Юсима. М., 2008. С. 26). Представляется, что корректнее было бы констатировать на примере мировоззрения Датини различные тенденции в понимании ценностей привязанности к городу (к Прато и к Флоренции) и семье – более традиционные для средневекового горожанина и новые их интерпретации.

4) В диссертации справедливо подчеркивается патриотизм как одна из значимых мировоззренческих установок главного героя исследования – Франческо Датини (с. 35, 79). В то же время, на взгляд оппонента, автор во многом остался в стороне от имагологического аспекта взглядов этого деятельного и наблюдательного купца – восприятия им Другого на разных культурных дистанциях: итальянцев из других городов, других христиан-латинян, византийцев, иудеев, мусульман, их нравов и обычаев. Между тем, символически и эмоционально окрашенные представления о ближнем и дальнем Другом могут многое поведать об особенностях картины мира позднесредневекового человека. Широко известны тосканские стереотипы о венецианцах как об искуснейших мореходах, обнаруживающих при этом анекдотическую непрактичность в сухопутных делах, включая верховую езду, представленные, в частности, в «Книге лиц» Джанфранческо Поджо Браччолини (1380–1459), младшего современника Датини. Встречаются ли подобные клише в письмах Датини? Какие можно выделить в корпусе текстов Датини стереотипные или, наоборот, нетипичные взгляды на иноземцев и иноверцев?

5) Частое и даже настойчивое применение термина «Старый Свет» к средневековой ойкумене в целом (с. 38, 51, 107, 172) представляется стилистически неточным в исследовании, посвященном эпохе до открытия

Нового Света – Америки. До унии 1707 г. английское сукноделие именовать «британским» (с. 133) некорректно.

Высказанные замечания и вопросы носят преимущественно уточняющий либо рекомендательный характер и не снижают общего весьма положительного впечатления оппонента от диссертации В.А. Евстюнина. Исследователь представил чрезвычайно многоплановую и фундированную разнообразной и репрезентативной источниковой базой панораму представлений флорентийского купца XIV в. о собственном социальном долге и месте в мире.

Диссертация В.А. Евстюнина отвечает всем предъявляемым требованиям, ее основные положения прошли надлежащую апробацию. Содержание автореферата соответствует тексту диссертации. Работа соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), полностью оригинальна, некорректных заимствований не содержит. Таким образом, представленное диссертационное исследование соответствует критериям, установленным в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 26.10.2023 № 1786), а ее автор, Евстюнин Владислав Анатольевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
доцент кафедры востоковедения
Уральского гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Возчиков Дмитрий Викторович

20.04.2026 г.

Адрес места работы:

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт, кафедра востоковедения

620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Тел.: +7 (343) 389-94-27, e-mail: dmitry.vozchikov@urfu.ru

Подпись
Искальни

Д. В. Яковлев

Искальни И.К.

Т. Н. Стрехина